

ТЫ МОЙ ПАПА, ЧЕМПИОН

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Ульяна Соболева

Ты мой папа, Чемпион!

«Автор»

2026

Соболева У.

Ты мой папа, Чемпион! / У. Соболева — «Автор», 2026

Пятилетняя Валя точно знает: чемпион Марат Алмазов — её папа. И если мама не решается открыть ему правду, она сделает это сама! После очередной победы девочка пробирается на ринг и на глазах у журналистов объявляет ошеломлённому бойцу:— Ты мой папа! А маме нужна твоя помощь! Так в идеально устроенную жизнь знаменитого холостяка врываются бойкая малышка и Оля — женщина, которую он предал пять лет назад, но так и не смог забыть. Теперь Марату предстоит выиграть самый сложный бой: заслужить доверие дочери, вернуть любимую и доказать, что чемпионские титулы ничего не стоят без настоящей семьи. Только Оля не собирается снова отдавать сердце человеку, который однажды его разбил. Даже если их маленькая сваха уже решила, что папа должен остаться с ними навсегда.

© Соболева У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Марат	5
Глава 2	11
Чемпионка Валя	11
Глава 3	14
Марат	14
Глава 4	18
От лица Марата	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ульяна Соболева

Ты мой папа, Чемпион!

Глава 1

Марат

Меня зовут Марат Алмазов, и я чемпион мира по превращению своей жизни в идеально отполированную пустоту. Если бы существовал турнир по умению упускать все самое важное в жизни, я бы занял первое место с нокаутом в первом раунде.

Сию я значит в своей квартире-музее, где каждый предмет расставлен с точностью швейцарских часов, а воздух настолько стерилен, что его можно разливать по ампулам и продавать как «Аромат успешного мужчины без женщины». Кубки блестят как зубы голливудских актеров, медали висят ровными рядами словно солдаты на параде, а холодильник... ах, мой холодильник! Это восьмое чудо света, содержащее исключительно протеиновые коктейли и остатки вчерашнего заказа из суши-бара.

— Марат, ты же понимаешь, что так жить нельзя? — надрылся вчера мой тренер Виктор Петрович, размахивая руками как мельница в степи. — Тебе тридцать два! Пора бы уже семью завести, детей...

Дети. Ха! Я же не могу даже кактус живым держать дольше месяца. У меня есть талант превращать любое живое существо в засушенный гербарий одним только взглядом. Последний кактус, кстати, назывался Геннадий. Покоится с миром на подоконнике уже третий месяц.

Но вообще-то я не всегда был таким образцовым холостяком-отшельником. Было время, когда мое сердце билось не только от адреналина в октагоне, но и от взгляда голубых глаз девушки по имени Оля. Оля Свиридова. Имя, которое я не произносил вслух уже пять лет, но которое засело в голове как назойливая мелодия из рекламы.

Оля была... как бы это сказать, чтобы не скатиться в сентиментальную жвачку... Оля была как глоток холодной воды в пустыне моего существования. Смеялась так, что хотелось записать этот звук и слушать вместо будильника. Готовила борщ, от запаха которого я готов был предать родину и переехать к ней жить в кладовку. А целовалась... Господи, целовалась она так, что я забывал не только как меня зовут, но и на какой планете мы живем.

Но нет, мне же нужно было все испортить! Изменить ей с какой-то блондинкой из спортбара, имя которой я не помню до сих пор. Гениально, Марат! Просто чертовски гениально! Променять бриллиант на стекляшку, а потом всю жизнь кусать локти и жалеть об этом.

— Ты идиот, — сказала тогда Оля, стоя в дверях с чемоданом в руке. Глаза сухие, голос спокойный. Знаете, что страшнее слез? Вот это вот спокойствие, когда человек настолько разочарован, что даже кричать не хочет.

— Оля, я...

— Не надо. — Она подняла руку, и я заткнулся как первоклассник перед строгой учительницей. — Просто не надо.

И ушла. А я остался стоять посреди нашей квартиры, которая за секунду превратилась в декорации к фильму ужасов под названием «Моя жизнь без Оли».

Пять лет прошло. Пять лет я живу как робот: тренировки, бои, победы, интервью, фотосессии. Успешный, востребованный, богатый. И пустой внутри как барабан у уличного музыканта.

Сегодня очередной турнир. Приезжаю в спорткомплекс, где знакомая суeta кипит как кастрюля борща у бабушки. Журналисты налетают как голодные комары.

— Марат, как настроение перед боем?

— Марат, правда ли, что это ваш последний бой в карьере?

— Марат, есть ли девушка в вашей жизни?

Последний вопрос попадает прямо в больное место. Улыбаюсь натянуто, как натягивают резину на рогатке.

— Девушка? — делаю паузу для эффекта. — Моя единственная возлюбленная — это ринг!

Журналисты смеются, записывают. Хорошая цитата для завтрашних заголовков.

Выхожу к рингу под рев толпы. Тысячи людей кричат мое имя, размахивают плакатами, фотографируют на телефоны. Для них я герой, кумир, образец для подражания.

Бой проходит как обычно — технично, хладнокровно, победно. Соперник падает во втором раунде, толпа ревет, камеры щелкают. Я поднимаю руки вверх, изображая радость. Внутри — привычная пустота.

И тут происходит нечто, что заставляет меня поверить в существование высших сил с очень развитым чувством юмора.

На ринг... нет, не просто поднимается, а **ВЫЛЕЗАЕТ** маленькое существо в розовой куртке. Ребенок! Девочка лет пяти, с косичками торчком и решительным выражением лица, которое могло бы позавидовать любому генералу.

Охрана пытается ее остановить, но малышка уворачивается с ловкостью, достойной мастера боевых искусств. Она пролезает между ног удивленных секьюрити, ныряет под протянутыми руками и со всех ног бежит ко мне.

Толпа замирает. Тишина повисает в воздухе как туман над болотом.

А девочка подбегает ко мне, поднимает голову (боже мой, эти глаза... голубые, как у...) и выдает фразу, от которой у меня подкашиваются ноги:

— Ты мой папа! — голосочек звенит как колокольчик, но буквы путаются самым очаровательным образом. — Маме нужна твоя помощь! Я никуда не уйду и лассказу всем дядям и тетям, щто ты мой папа!

Весь зал как один человек достает телефоны. Щелчки камер сливаются в непрерывную трель. Комментаторы теряют дар речи, что, кстати, случается с ними примерно раз в столетие.

А я стою и смотрю на эту маленькую особу, и у меня начинается короткое замыкание в мозгах. Глаза... Святые угодники, эти глаза — точная копия Олиных. И упрямо сжатые губки. И этот решительный подбородок.

— Что... что ты сказала? — заикаюсь я, как школьник у доски.

— Ты мой папа! — повторяет девочка с терпением учительницы, объясняющей таблицу умножения. — Малат Алмазов! А я Валя! Валентина Маратовна Свиридова!

Свиридова. Мир начинает кружиться вокруг меня, как в центрифуге. Математика в моей голове пытается что-то вычислить, но все цифры разбегаются как тараканы при включенном свете.

— Это... это невозможно, — бормочу я. — Тут какая-то ошибка...

— Никакой ошибки! — Валя топает ножкой. — Я видела твои фотографии в мамином телефоне! Мама на них смотрит и плачет!

К нам уже несется толпа. Виктор Петрович летит как ракета, лицо у него цвета спелого помидора.

— Марат! — шипит он, хватая меня за руку. — Что здесь происходит?! Это прямой эфир! Вся страна смотрит!

— Дядя, не тлогай моего папу! — Валя встает между нами, как маленький телохранитель. — Он занят очень важным делом!

— Какой папа?! — Виктор Петрович выглядит так, будто сейчас у него случится инфаркт.
— Марат, скажи мне, что это не твой ребенок!

— Я... я не знаю, — честно признаюсь я. — То есть... может быть... но это же...

— МОЖЕТ БЫТЬ?! — голос тренера достигает частот, на которых общаются летучие мыши. — На тебя смотрит вся страна, а ты «может быть»?!

— А што здесь такого? — Валя смотрит на дядю Витю с искренним недоумением. — Папы всегда узнают своих детей! В мультиках всегда так!

Охранники тем временем пытаются деликатно подойти к ситуации, но каждый раз, когда они делают шаг к Вале, она прячется за меня.

— Слушай, малышка, — начинаю я, присаживаясь на корточки. — Может, ты ошибешься? Может, я просто похож на...

— НЕТ! — Валя так громко кричит, что, кажется, дрожат стекла. — Мама говорила: «Вот твой папа, Валечка. Он сильный и клавивый, но очень глупый». И ты действительно глупый, если не узнаешь свою дочку!

Зал ахает. Кто-то даже хлопает. Комментаторы лепечут что-то про «семейную драму в прямом эфире».

— Виктор Петрович, — подбегает менеджер турнира, весь красный от волнения. — Рейтинги взлетели до небес! Вся соцсеть только об этом и говорит!

— Мне плевать на рейтинги! — шипит тренер. — Марат, немедленно разберись с этой... ситуацией!

— А што тут лазбилаться? — Валя опять ставит руки в боки. — Мама в больнице, ей нужна помощь, а папа стоит и думает! Думать надо было ланьше!

Эта фраза попадает в точку с точностью снайперского выстрела. Я чувствую, как краснею до кончиков ушей.

— Ты... ты серьезно считаешь, что я твой отец? — спрашиваю слабым голосом.

— А ты сельезно считаешь, что ты не мой папа? — парирует Валя. — У меня есть твои фотографии, у меня есть мамины слезы, и у меня есть вот это! — Она показывает на свои глаза. — Тётя Маша говорит, что у меня точно такой же упямый подбородок, как у мужчины из маминих фотографий!

— Марат, — Виктор Петрович хватается за сердце, — ты понимаешь, что творишь? У нас контракты, спонсоры, репутация!

— А у меня мама в больнице! — перебивает его Валя. — И мне на ваши контлакты наплевать!

Она произносит это с таким достоинством, что мне хочется аплодировать. Пятилетний ребенок только что поставила на место взрослого мужчину.

— Хорошо, — говорю я, и мой голос звучит как у человека, который прыгает с парашютом впервые в жизни. — Валя, а где сейчас твоя мама?

— В больнице номел семь! — тут же отвечает она. — Доктол Петлов сказал, что нужна солочная опелация, а у нас нет денег!

— И ты пришла за помощью?

— Конечно! Папы же для этого и нужны! — заявляет Валя с логикой, против которой не поспоришь.

Виктор Петрович издает звук, похожий на вздох умирающего кита.

— Марат, подумай о карьере! О репутации! Ты же не можешь просто взять и...

— А почему не может? — Валя смотрит на тренера как на полного идиота. — Он же сильный! Он же богатый! Он же папа! Папы всегда помогают!

И тут до меня доходит. Эта малышка права. Абсолютно, безоговорочно права. Если есть хотя бы шанс, что она моя дочь, если Оля в больнице...

— Ладно, — говорю я, и чувствую, как что-то переворачивается у меня в груди. — Виктор Петрович, отложите все интервью. У меня появились неотложные дела.

— КАКИЕ ДЕЛА?! — тренер готов лезть на стену.

— Семейные, — отвечаю я и беру Валю за руку. — Пойдем, принцесса. Покажешь дорогу в больницу. Разберусь что это за ребенок и чей он!

— УЛА! — кричит Валя и подпрыгивает от счастья. — Я же говорила, что ты мой папа! Самый лучший папа в мире!

Толпа взрывается аплодисментами и свистом. Кто-то кричит «Браво!», кто-то снимает все это на телефон. А Виктор Петрович стоит с открытым ртом, как рыба, выброшенная на берег.

— Марат! — кричит он мне вслед. — Ты же понимаешь, что это может быть розыгрыш?! Мошенничество!

— Слушай, малышка, — останавливаюсь я и поворачиваюсь к Вале. — Может, ты все-таки ошибаешься? Я не знаю никакой Оли...

— ЛОШЬ! — Валя топает ногой так, что эхо разносится по всему залу. — Ты знаешь мою маму! И ты мой папа!

— Но я же не помню... — начинаю я, но Валя перебивает меня с яростью маленького тайфуна.

— Ты плосто не хочешь помнить! — кричит она, и глаза наполняются слезами ярости. — Потому что ты тлус! Тлус и злой!

— Послушай, девочка...

— Я НЕ ДЕВОЩКА! Я ВАЛЯ! ТВОЯ ДОЩА! — Валя бросается на меня и начинает молотить кулачками по ногам. — И я никуда от тебя не уйду! НИКУДА!

Охранники делают шаг вперед, но я машу рукой — не надо.

— Валя, успокойся...

— НЕ БУДУ! — она продолжает колотить меня маленькими кулачками. — Пока ты не скажешь, что поможешь маме!

— Но я же не знаю...

ХРЯСЬ! Валя кусает меня за руку! Да так, что я подпрыгиваю!

— Ой! Что ты делаешь?! Ах ты ж маленькая ведьмочка!

— Так тебе и надо! — Валя вытирает слезы, но продолжает держаться за мою руку мертвой хваткой. — Мама говорила, что ты упламый! Очень-очень упламый!

— Упрямый, — машинально поправляю я.

— НЕ ПОЛАВЛЯЙ МЕНЯ! — взрывается Валя. — Я так говолю, как говолю! И ты все лавно мой папа, даже если ты это отлицает!

Виктор Петрович хватается за голову.

— Марат, уведи ее в раздевалку! Сейчас весь интернет будет обсуждать этот цирк!

— Это не цирк! — Валя поворачивается к тренеру. — Это семейные дела! А вы, дядя Витя, очень невежливый!

— Хорошо, хорошо, — сдаюсь я. — Пойдем в раздевалку, поговорим спокойно.

— Наконец-то! — Валя цепляется за мою руку обеими руками. — Но я не отпущу тебя! **ВООБЩЕ!**

В раздевалке Валя забирается на скамейку и смотрит на меня с видом следователя, который допрашивает особо опасного преступника.

— Так, — говорит она строго. — Сейчас ты мне объяснишь, почему ты плетволяешься, что не знаешь мою маму.

— Я не притворяюсь... — начинаю я, но Валя сразу показывает мне язык.

— Плитволяешься! У меня есть фотоглафии!

Она лезет в карман куртки и достает чуть побитый детский телефон. Тыкает пальчиком по экрану и показывает мне фото.

И я чуть не падаю. На экране — я, обнимающий Олю. Мы оба смеемся, счастливые...

— Откуда... — шепчу я.

— Из маминого телефона! — торжествующе заявляет Валя. — Мама говорит, что это ее самая любимая фотография. И что ты мой папа, но ты не хочешь меня знать.

— Это неправда! — взрываюсь я. — Я бы никогда... если бы я знал...

— Вот! — Валя подпрыгивает. — Значит, ты ВСЕ-ТАКИ мой папа! Ты плосто сам в этом плизнался!

Черт. Попался в ловушку пятилетнего ребенка.

— Но ведь твоя мама... она же не говорила мне... Так что не обязательно...

— А тебе и не нужно было говорить! — Валя скачет с лавки и снова вцепляется в мою руку. — Надо было самому догадаться! Папы всегда догадываются!

— Откуда ты это знаешь?

— Из мультиков! — заявляет она с абсолютной уверенностью. — В мультиках папы всегда плибегают и спасают всех!

— Но это же мультики...

— И ЦТО?! — Валя снова начинает молотить меня кулачками. — Почему в мультиках можно, а в жизни нельзя?! Это нещестно!

— Валя, перестань драться!

— Не плестану! — она висит на моей руке как маленькая обезьянка. — Пока ты не скажешь, что поедешь к маме!

— Но я же не знаю, где больница...

— А я знаю! — Валя достает из другого кармана мятую бумажку. — Вот адрес! Тетя Маса записала!

Я читаю: «Больница № 7, хирургическое отделение, палата 15, Свиридова Ольга Михайловна».

Свиридова Ольга Михайловна. Моя Оля.

— Тепель ты велишь? — Валя смотрит на меня снизу вверх. — Тепель поедешь?

— Я... мне нужно подумать...

— ДУМАТЬ?! — Валя так кричит, что, кажется, звенят лампочки. — Мама умиляет, а ты будешь ДУМАТЬ?!

И тут она делает то, чего я совершенно не ожидал — падает на пол и начинает рыдать. Не просто плакать, а рыдать так, что сердце разрывается.

— Мама... мама умлет... а папа не хочет... не хочет помощь... — всхлипывает она между слезами.

— Валя, не плачь...

— Буду плакать! — она поднимает на меня красные от слез глаза. — Буду плакать и кличать, пока ты не согласишься!

И действительно начинает кричать:

— ПАПА НЕ ХОЩЕТ СПАСАТЬ МАМУ! ПАПА ЗЛОЙ! ПАПА...

— Тише! — я присаживаюсь рядом с ней. — Перестань кричать!

— Не плестану! — Валя цепляется за мою футболку. — Пока не скажешь «да»!

— Хорошо! — сдаюсь я наконец. — Хорошо, поедем к твоей маме!

Валя мгновенно перестает плакать, вытирает нос рукавом и улыбается так, будто только что получила главный приз в лотерее.

— Я знала! — заявляет она. — Знала, что ты согласишься! Папы всегда соглашаются!

— Откуда ты такая настойчивая? — вздыхаю я.

— Как откуда? — Валя удивленно моргает. — Я же твоя доща! У меня такой же халактел!

Характер, малышка. Но я уже понял, что поправлять ее бесполезно.

— Ладно, — встаю я. — Пойдём к машине.

Перед выходом звоню в полицию и по номеру Марии Павловны из маминого телефона. Сообщаю, что Валя нашлась и я везу её в больницу к матери. Дежурный записывает мои данные и просит дожидаться сотрудников уже там.

— УЛЛЛА! — кричит Валя и хватает меня за руку. — Самая лучшая поездка в моей жизни! Едем спасать маму!

Глава 2

Чемпионка Валя

Пливет! Меня зовут Валя, и я самая умная девочка в нашем доме! Мне пять лет, и я уже умею много всего — считать до двадцати, завязывать шнурки (плавда, не всегда получается), и главное — я знаю, как найти папу!

Сегодня случилась ужасная штука. Мама переходила дорогу, а там была глупая машина, которая не умеет тормозить! Машина стукнула мою маму, и ее увезли в больницу. Докто́л сказал, что мама спит очень глубоко и ей нужна опе́ляция.

Тётя Маша плачет и говорит: «Что же делать, что же делать!» А я думаю — какие глупые взлослые! Все очень плосто! Надо найти папу, и он все испавит!

Тётя Маша — это наша соседка. Она очень сталенькая и ходит медленно-медленно, как челепаха. У нее есть палощка, и она стучит ей по полу: тук-тук-тук. Когда тётя Маша идёт по коллдолу, все знают — это она.

— Валечка, — говорит тётя Маша, вытирая слезы, — что же нам делать? У мамы нет лодственников...

А я думаю: «Как это нет? А папа? Папа же есть!» Но тётя Маша очень забывчивая, она плосто не помнит.

Мама лежит в больнице и не может мне сказать, где папа. Но я же не глупая! Я знаю, где его искать!

В мамином телефоне есть фотографии. Секлетные фотографии, которые мама смотрит, когда думает, что я сплю. Там класивый дядя обнимает мою маму. И мама всегда плачет, когда смотрит на эти фотографии.

А еще мама иногда говорит: «Вот твой папа, Валечка. Он сильный и класивый, но очень глупый.» И показывает на фотографию.

Значит, это МОЙ папа! Я же не дула!

Тётя Маша ушла в магазин за молоком. Она сказала: «Сиди дома, Валечка, никуда не уходи!» Но как же я буду сидеть, если папу надо искать?

Белу мамин телефон и смотрю фотографии. Вот он, мой папа! Клаливый, с большими мускулами! А на фотографии написано: «Малат Алмазов, чемпион по ММА».

Я не знаю, что такое ММА, но зато знаю, что такое чемпион! Это когда ты самый лучший! Значит, мой папа самый лучший!

Теперь надо его найти. Где живут чемпионы? Наверное, в большом замке! Или в спортивном зале!

Включаю телевизор и ищу папу. Сначала идет реклама про памперсы (фу, глупо!), потом тетя рассказывает про погоду (скучно!), а потом... О! Сполт!

И тут дикто́л говорит: «Сегодня в спортивном комплексе 'Олимп' состоится турни́л по смешанным единоборствам. Главная звезда вещела — Малат Алмазов!»

ПАПА! Мой папа будет в сполтивном комплексе! Сегодня! Прямо сейчас!

Быстло-быстло записываю на бумажке: «Спортивный комплекс Олимп». Теперь знаю, куда ехать!

Но как туда добраться? Тётя Маша ходит очень медленно, она до вещела дойдет только завтра. А папе нужно помочь маме СЕГОДНЯ!

Открываю в мамином телефоне карту. До спортивного комплекса всего три остановки на автобусе, на котором мы ездили с мамой в поликлинику. Значит, не потеряюсь!

Одеваюсь быстро-быстро. Куртку розовую (она самая класивая!), шапку с помпоном, сапожки. В калман кладу бумажку с адресом и мамин телефон с фотографиями папы.

Выхожу из квартилы очень тихо, щобы соседи не услышали. В автобусе показываю водителю название комплекса, и он обещает сказать, где выходить. У нас сосед дядя Володя любит вредничать и может не пустить к папе.

На улице холодно, но я не боюсь! Я же хлаблая девочка! Иду к остановке автобуса.

— Девочка, ты куда одна идешь? — спрашивает тетя в магазине.

— К папе! — говорю я гордо. — Он чемпион!

Тетя что-то говорит еще, но я уже бегу дальше. Взрослые всегда мешают важным делам!

На остановке стоит дядя в кепке. Он курит сигарету и выглядит добрым.

— Дядя, — говорю я, — а автобус довезет до спортивного комплекса Олимп?

— А ты что, малая, одна едешь? — удивляется дядя. — Где лодители?

— Мама в больнице, а папа меня ждет! — объясняю я. — Он чемпион по ММА!

— Ого! — дядя улыбается. — Значит, у тебя папа — боец! Ну тогда садись, довезу!

Дядя оказался шофелом маршлутки! Как повезло! Он говорит, что знает, где спортивный комплекс, и довезет бесплатно, потому что «дочка чемпиона не должна платить за плоезд».

В маршлутке много людей. Все смотрят на меня и улыбаются. Одна тетя спрашивает:

— Девочка, а папа знает, что ты едешь?

— Конечно! — вру я. — Мы договорились встлеться!

А на самом деле папа меня еще не видел. Но когда увидит, обязательно обладуется! В мультиках папы всегда лады встлечать своих детей!

Дядя-шофел высаживает меня у большого зданьица.

— Вот твой спортивный комплекс, чемпионка! — говорит он. — Только ты аккулатно там, не потеляйся!

— Не потеляюсь! — обещаю я. — Я же умная!

Захожу в зданьице. Ой, как тут много людей! Все куда-то спешат, говорят, смеются. А где же папа?

Спрашиваю у дяди в форме:

— Дядя, а где Малат Алмазов?

— Кто? — дядя наклоняется ко мне.

— Мой папа! Малат Алмазов! Чемпион!

— А, — дядя понимающе кивает, — твой папа дерется в главном зале. Но туда детям нельзя, там опасно.

Нельзя? Это мы еще посмотрим! Я же не плосто дитя, я ДОЩА ЧЕМПИОНА!

Пока дядя отвлекся, я быстро пролезаю мимо него. Бегу по коридолу, ищу главный зал. Народу становится все больше, все кричат, шумят.

Вот он! Большой зал, а в центре — клуглая штука, обгололенная сеткой. Там дерутся дяди! А люди сидят волуг и кричат!

Ищу папу глазами. Где он? Где?

И тут вижу! Вот он, мой папа! Такой же класивый, как на фотографии! Стоит в этой клуглой штуке и поднимает луки велх! Победаааа!

— ПАПА! — кричу я что есть силы, но он не слышит. Очень шумно!

Надо подойти ближе! Пролезаю между дядями и тетями. Они высокие, а я маленькая, поэтому легко пролезаю.

— Эй, девочка! — кто-то хватает меня за куртку.

Но я уволáчиваюсь! Я же ловкая! Добегаю до этой клуглой штуки. Как туда попасть?

Вижу дилку в сетке! Быстро пролезаю!

И вот я в клуглой штуке! А папа стоит совсем лядом!

— ТЫ МОЙ ПАПА! — кричу я, и весь зал замолкает.

Папа смотрит на меня большими глазами. Он удивлен! Наверное, не ожидал, что я такая сообразительная и сама его нашла!

— МАМЕ НУЖНА ТВОЯ ПОМОЩЬ! — продолжаю я. — Я НИКУДА НЕ УЙДУ И ЛАССКАЗУ ВСЕМ ДЯДЯМ И ТЕТЯМ, ЩТО ТЫ МОЙ ПАПА!

Папа молчит и смотрит на меня. Навелное, думает, какая я умная! Не каждый лебенок может найти папу в таком большом городе!

А потом он спрашивает очень тихо:

— Как тебя зовут?

— Валя! Валентина Маратовна Свилидова! А ты Малат Алмазов, мой папа!

И тут все люди в зале начинают доставать телефоны и фотогалфиловать нас! Навелное, хотят показать всем, какая у чемпиона умная дочка!

Я так лада, что нашла папу! Теперь мы спасем маму, и будем жить все вместе, как в мультиках!

— Папа, — говорю я, — а мы поедem к маме плямо сейчас?

Папа кивает, но выглядит очень удивленным. Навелное, не пилик, что я выласту такая сообразительная!

— А у тебя есть машина? — спрашиваю я.

— Есть, — отвечает папа.

— А она быстрая?

— Очень быстрая.

— Тогда поехали! Мама нас ждет!

Самый лучший день в моей жизни! Я нашла папу, и теперь мы спасем маму! Как в настоящей сказке!

Только почему-то папа такой стланный... Навелное, волнуется, что мама болеет. Но ничего, мы ее вылещим! Папы же умеют все!

А тот дядя Витя очень глупый. Он кричит и машет луками. Навелное, завидует, что у папы есть такая хорошая дочка, а у него нет!

Но мне на него наплевать! Главное — я нашла папу! И теперь у нас будет настоящая семья!

— Поехали, папа! — говорю я и беру его за луку. — Поехали спасать маму!

Глава 3

Марат

Итак, я еду по городу с пятилетним ребенком, который утверждает, что я его отец, и честно говоря, начинаю подозревать, что свихнулся. Может, в последнем бою меня слишком сильно по голове треснули? Может, это галлюцинация от сотрясения мозга?

Но нет, Валя вполне реальна. Она сидит сзади в детском кресле, которое в спешке нашёл администратор турнира, и ведёт светскую беседу, будто мы знакомы с рождения.

— Папа, а у тебя есть мороженое? — спрашивает она, изучая салон моей машины с видом эксперта по автомобилям.

— Мороженое? — переспрашиваю я, пытаюсь сосредоточиться на дороге и одновременно не сойти с ума от происходящего.

— Ну да! Мороженое! — Валя кивает так энергично, что косички развеваются как флаги на ветру. — Мама говорила, что папы всегда покупают детям мороженое!

Ага, значит, у меня уже есть родительские обязанности. Покупать мороженое. Замечательно.

— Сейчас осень, малышка, — говорю я. — Мороженое холодное.

— И ЧТО?! — Валя смотрит на меня так, будто я только что сказал, что земля плоская. — Осенью мороженое еще вкуснее! Потому что на улице холодно, а в животике тепло!

Логика железная. Против такой аргументации не поспоришь.

— Хорошо, купим мороженое, — сдаюсь я.

— УЛА! — кричит Валя и начинает подпрыгивать на сидении. — Ты самый лучший папа в мире! Даже лучше дяди Сени из нашего двора!

Дядя Сеня, видимо, был серьезным конкурентом.

— А что хорошего делает дядя Сеня? — из любопытства спрашиваю я.

— Он иногда дает мне конфетки! — гордо отвечает Валя. — Но у него нет машины! А у тебя есть! И она блестящая!

Моя самооценка стремительно растет. Я круче дяди Сени! У меня есть блестящая машина!

Останавливаюсь у первого попавшегося магазина. Валя мгновенно отстегивается и готова выскочить из машины.

— Стой! — останавливаю я ее. — Подожди меня!

— А почему? — удивляется она. — Я умею ходить!

— Потому что... — начинаю я и понимаю, что не знаю, как объяснить пятилетнему ребенку правила безопасности. — Потому что папы и дети всегда ходят вместе!

— А! — Валя кивает понимающе. — Чтобы никто меня не украл!

Именно. Чтобы никто не украл. Хотя кто захочет украсть такой ураган в розовой куртке?

В магазине Валя ведет себя как турист в музее — все рассматривает, все трогает, ко всему прикладывает уши.

— Папа, а почему йогурт не говорит? — спрашивает она, прислонив ухо к упаковке.

— Потому что он йогурт, — отвечаю я с видом человека, знающего толк в молочных продуктах.

— А может, он просто прячется, ну скрывается? — продолжает свои исследования Валя. — Как мама, когда не хочет отвечать на мои воплосы!

Ребенок знает толк в человеческой психологии.

Доходим до прилавка с мороженым. Валя замирает перед витриной как паломник перед святыней.

— Хочу вот это! — показывает она на самое большое и разноцветное мороженое. — И вот это! И еще вот это!

— Валя, выбери что-то одно, — пытаюсь я проявить родительскую мудрость.

— Но я не могу! — трагическим голосом отвечает она. — Они все такие класивые! Как выбрать самое-самое?

Вопрос действительно сложный. Я смотрю на витрину и понимаю, что тоже не смог бы выбрать.

— Тогда возьмем три, — говорю я.

— ТЛИ?! — глаза Вали становятся размером с блюдца. — Сразу тли?!

— Сразу три.

— ОЙ! — Валя хватает меня за руку обеими руками. — Ты действительно самый лучший папа! Лучше всех пап на свете!

Продавщица улыбается:

— Какая милая дочка! Прямо копия папы!

Копия папы? Я внимательно смотрю на Валу. Голубые глаза — как у Оли. Нос — тоже Олин. Упрямый подбородок... хм, а этот уже похож на мой.

— Папа, а почему ты на меня так смотлишь? — спрашивает Валя, облизывая мороженое. — У меня что-то на лице?

— Нет, просто... ты похожа на одного человека, которого я знал.

— На кого?

— На твою маму.

— Конечно! — Валя кивает, как будто это само собой разумеется. — Мама говорила, что я похожа на нее, но халактел у меня твой!

— Какой характер?

— Упламый! — гордо заявляет Валя. — И не боюсь ничего! И всегда добиваюсь того, что хочу!

Да уж, упрямства ей не занимать. Это она точно от меня... Стоп! А откуда я знаю, что это от меня? Может, и от Оли? И может она не моя! И скорей всего это именно так. Увидела у Оли старую фотку в телефоне и придумала себе папу.

Садимся обратно в машину. Валя уже успела измазаться мороженым с ног до головы. Розовая куртка теперь украшена разноцветными пятнами.

— Папа, а куда мы едем? — спрашивает она, старательно облизывая пальцы.

— В больницу, к твоей маме.

— А ты очень волнуешься? — Валя изучает мое лицо с видом психолога.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что у тебя такое же лицо, как у тети Масы, когда она смотлит новости пло политику.

Тревожное лицо, значит. Да, наверное, волнуюсь. А как не волноваться? Сейчас я увижу Олю первый раз за пять лет. Увижу женщину, которую предал. Которая, оказывается, родила от меня ребенка и ни слова мне не сказала.

— Папа, а ты ладуешься, что у тебя есть я? — тихо спрашивает Валя.

Вопрос попадает прямо в сердце.

— Очень радуюсь, — отвечаю я, и понимаю, что это правда.

— А почему ты такой глусный?

— Грустный? А я грустный?

— Ага! — Валя кивает. — Как дядя Дима из нашего двора. Он тоже всегда глусный, потому что у него жена уехала к маме в делевню.

В деревню, наверное. Бедный дядя Дима.

— Я не грустный, Валя. Я просто думаю.

— А о чем ты думаешь?

— О твоей маме. О том, что случилось давно...

— Мама тоже о тебе думает! — радостно сообщает Валя. — Она смотлит твои фотографии и плачет! И говорит: «Ах, какой он был класивый и хороший!»

Был. Прошедшее время. Значит, в настоящем я уже не хороший.

— А ты помнишь, что мама еще говорила обо мне? — осторожно спрашиваю.

— Конечно! — Валя вытирает липкие руки о сиденье (я мысленно прощаюсь с кожаной обивкой). — Мама говорила, что ты очень класивый и сильный, но сделал одну очень глупую штуку!

— Какую штуку?

— Не помню, — честно признается Валя. — Но мама сказала, что все мужчины иногда делают глупые штуки, а потом жалеют!

Жалею. Еще как жалею. Каждый день вот уже пять лет.

— А мама тебя плостит? — спрашивает Валя с надеждой в голосе.

— Не знаю, Валечка. Надеюсь.

— Обязательно плостит! — уверенно заявляет она. — Потому что ты холоший! Ты же купил мне моложеное!

В детской логике мороженое — это индикатор хорошести. Просто и понятно.

Приезжаем к больнице. Валя смотрит на серое здание и вдруг становится очень серьезной.

— Папа, а мама точно выздоровеет? — тихо спрашивает она.

— Обязательно, — говорю я, хотя сам не знаю наверняка.

— А вдлуг она не узнает меня тепель? — голос дрожит.

— Узнает, котенок. Мамы всегда узнают своих детей.

— А тебя узнает?

Вот это вопрос. Узнает ли меня Оля? И что скажет, когда увидит?

— Не знаю, — честно отвечаю.

— А если не узнает, ты ей напомним! — решительно заявляет Валя. — Скажешь: «Плитвет, Оля! Это я, Малат! Твой... твой...» — она задумывается. — А кто ты маме?

Хороший вопрос. Кто я Оле? Бывший парень? Отец ее ребенка? Человек, который разбил ей сердце?

— Не знаю, Котенок, — снова отвечаю честно.

— Тогда скажи, что ты папа Вали! — предлагает она. — Это же плавда!

Правда. Если эта удивительная девочка действительно моя дочь, то это правда.

Выходим из машины. Валя берет меня за руку — маленькая липкая ладошка в моей большой руке. И я вдруг понимаю, что готов на все, чтобы защитить этого маленького человека.

— Папа, — шепчет Валя, когда мы идем к входу в больницу, — а если доктол скажет, что мне нельзя к маме?

— Тогда я скажу, что ты ее дочь, и у тебя есть право видеть маму.

— А если он не повелит?

— Поверит, — уверенно говорю я. — Достаточно посмотреть на нас, чтобы понять — мы семья.

Валя улыбается и крепче сжимает мою руку.

— Самый лучший папа в мире! — шепчет она. — Даже лучше папы Кати из детского сада! У него нет такой класивой машины! И он не чемпион мила!

Да, у папы Кати нет такой красивой машины. А у меня теперь есть дочь, которая считает меня лучшим папой в мире. Дочь, конечно под вопросом, но я бы хотел пока что верить в это...

Хотя я до сих пор не знаю, как быть папой. Но, кажется, Валя меня научит. Она уже научила меня покупать мороженое осенью и отвечать на вопросы про йогурт.

— Поехали в больницу спасать маму, — говорю я.

— Поехали! — отвечает Валя. — Мы же команда!

Команда. Папа и дочка. Звучит неплохо.

Даже если я понятия не имею, что делаю. И дочь ли она мне.

Глава 4

От лица Марата

Больница встречает нас запахом хлорки и безысходности. Знаете, есть места, которые напоминают о бренности бытия лучше любых философских трактатов — больницы как раз из их числа. Белые стены, скрипучий пол, медсестры с лицами, на которых написано «я видела все, и меня уже ничем не удивишь».

Валя семенит рядом, крепко держа меня за руку. Ее маленькая ладошка все еще липкая от мороженого, но я не возражаю. Более того, эта липкость почему-то успокаивает — значит, все это реально, а не бред воспаленного сознания.

— Папа, а тут пахнет как у зубного доктола! — шепчет Валя, оглядываясь по сторонам. — Только еще слашнее!

— Не страшнее, просто по-другому, — пытаюсь я ее успокоить.

— А почему все тети такие злые? — продолжает она свои наблюдения, кивая в сторону медсестер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.